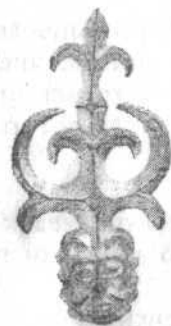

Геннадий ГОРЛАНОВ

ЗОЛОТАРЁВСКОЕ ПОБОИЩЕ

Поэма

Пенза
2006

ББК 84 Р7-5
Г.17

Горланов Г.Е.
Золотарёвское побоище. Поэма. — Пенза, 2006. — 44 с.

© Горланов Г.Е. 2006.

Геннадию БЕЛОРЫБКИНУ

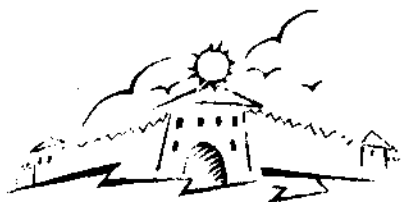
*О поле, поле, кто тебя
Усеял мёртвыми костями?
Чей борзый конь тебя топтал
В последний час кровавой битвы?
Кто на тебе со славой пал?
Чьи небо слышало молитвы?
А.С. Пушкин*

Зима ли проходит,
Приходит ли лето,
Гуляет ли осень, людей веселя,
Забогливо крутится наша планета
С названьем привычным —
Родная Земля.

В великих войнах проходят столетья,
Меняется облик селений и рек.
В любви и страданиях рождаются дети,
Но в сущности тот же в душе человек.

Не знаю,
Где завтра с идеями будем,
Возможно, от нас лишь останется пыль,
Но я,
Возрождённый для жизненных буден,
Поведаю страшную сурскую быль.

Земной я по духу,
Совсем не мечтатель.
И всё ж повторю той истории бег.
Прошу вас:
За мною, мой верный читатель,
Откроем ворота в тринадцатый век.

ПРИРОДА КАЗАЛАСЬ НАМ ВЕЧНОЙ...

Деды говорят, что давненько
Родня в этом крае жила.
Сначала была деревенька,
А нынче — четыре села.

Дорожнее мест не отыщешь —
Полны у сельчан закрома.
В центральном большом городище
Из брёвен стоят терема.

Базар завсегда многолюден,
Любого здесь купишь добра.
Гончарные горки посуды
В телегах привозят с утра.

Доволен народец торговый,
Скупают здесь прямо с руки
Аскизские сбруи, подковы,
Лопаты, замки, чугушки.

Обильна земля и привольна,
И роши кругом, и леса.
Крестьянские гумна раздольны,
Обилие сулят небеса.

Зима у нас, правда, сурова,
Однако наш край дровяной.

Удобно стоит Златорёво
За твёрдой стеной крепостной.

С высоких тесовых крылечек
Приятно смотреть на заре
На игры двух радостных речек,
Сестрёнок — Суры и Нузле*(1)

В лугах много ягод съедобных,
В лесу — сотни разных грибов.
Зимой в сугробах пуховых
Почти что не видно домов.

Зайчишек мы ловим руками,
Когда по кустам мельгешат.
Намедни Пахомыч с дружками
Привёл двух смешных медвежат.

В округе не рыскают волки,
Наверно, пожалуй, с тех пор,
Как в зиму на утренней зорьке
Прогнали из логовых нор.

Любой недород нам не страшен:
Нас край выручает лесной.
Плугами железными пашем,
А травушку косим косой.

Живём здесь вольготно и смело.
Как предки в далёкую старь,
И правит делами умело
Внучатый Тюшти*(2) — Золотарь.

Широкий в плечах, величавый,
С кудрявой седой бородой,
Старейшин с улыбкой встречает
Настойкой хмельной, медовой.

А рядышком с мужем — княгиня.
Подкрашены брови углём,
Взирает на мир, как богиня,
Гостей приглашая в свой дом.

На лентах пришиты монеты,
Глаза — не отыщешь синей.
Подвески, столгамы, браслеты* (3)
Сияют зарёю на ней.

Персон поважней на ступеньках
В ту пору встречал Золотарь.
По нашим местам ведь давненько
Из Киева путь шёл в Булгар.* (4)

Радушно встречал иноземцев,
Не жалко, коль надо — смотри.
Здесь персы бывали и немцы,
Подарки везли из Твери.

Привыкли с железом трудиться
Ковальных утех мастера.
Заморский меняла дивится,
Скупая корзинки добра.

Умелец по ковке Оковин
Изделия сложил у крыльца —
Как много здесь разных диковин
Из золота, меди, свинца!

Он первый решился в творенья
Ввести жемчуговую вязь.
Недаром его украшенья
Любил володимирский князь.

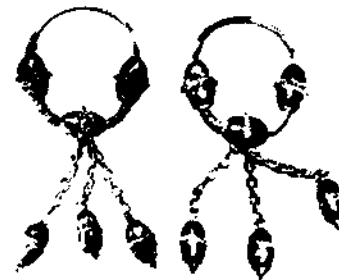
С улыбкой разгладив бородку,
Стал кортать *(5) с мечтою в глазах:

— Хочу, чтоб мои наработки
Узнали в других городах.

Ярмакт* мне за броши не надо. (6)
Что деньги? — Одна суета.
Мне лучшей не надо награды —
Жила бы в веках красота.

Не ведал, что в будущем будет,
Не мог он представить того,
Как через столетия люди
Отыщут изделия его.

Как будет ученый народец
Осмисливать каждый штришок,
А местный чудак-стихотворец
О брошах напишет стишок.

НЕСУТ НАМ КОЧЕВНИКИ ГОРЕ...

По совести жили, по чести.
Пред князем все были равны.
Меж тем нехорошие вести
С восточной неслись стороны.

Вчера рассказали буртасы,
Приехав с утра на базар,
Про то, как монгольские расы
Разрушили город болгар.

Сражалась Булгария стойко,
Храбры её были сыны.
Да вот, к сожалению, только
Силёнки совсем не равны.

Кочевники эти жестоки,
Сжигают селенья дотла.
Внезапны всегда их наскоки.
В них много коварства и зла.

В тот день же на людном соборе
Уверенно выступил князь:
— Несут нам кочевники горе,
Хотят уничтожить всех нас.
Что ждать?
Мы не молим пощады,
Быстрёхонько надобно нам

Собрать для защиты отряды,
Готовиться к трудным боям.
Для кузен приказ мой особый:
И дённо, и в поздней ночи
Ковали во множестве чтобы
Кольчуги, щиты и мечи.
Смолы собирайте для чанов
У светлой сосновой горы.
Проверьте ещё раз колчаны,
Точите острее топоры.
Ох, эти проклятые войны!
Не ведали их до сих пор.
Давайте-ка будем спокойны,
Вражинам устроим отпор!

Довольны остались решением,
Дышали порывом одним.
Кричали мужи с одобреньем:
«Дадим мы отпор им, дадим!»

Шагаем с собора.
Уж поздно.
Нас осень прохладой бодрит.
— Выходит всё слишком серьёзно, —
Промолвил в раздумьях Саид. —
Не во время, стало быть, свадьбу
Затеял младшой мой Кирилл.

Семён усмехнулся:
— Коль знать бы,
Соломы бы воз настелил...

— Вот то-то, живём как попало...
Физический знаем лишь труд,
А есть ведь людишек немало,
Что жизнью другою живут.

Пораньше бы знать те народы,
Что рыщут с войной по степям.
Построили б мы огнемёты —
Попробуйте, суньтесь к нам.

Сыча поддержали мы дружно,
Хоть что там о прошлом вздыхать.
А свадьбу сыграть всё же нужно,
По-нашенски, в радость сыграть.

— Припомним умерших с угара...
Пожар тот, — добавил Пахом.
Помочь бы нам надо Макару —
Достроить под стропила дом.
— Конечно, общиной поможем,
Об этом решили вчерась.
Меня же, признаться, тревожит,
Как будут здесь жить после нас?
Скажи-ка, Климуша, к примеру,
Ведь ты у нас первый знахарь,
Какая прибудет к нам вера?
Кто будет — Мурза али Царь? —
Взглянув исподлобья довольно,
Закончил Федорушка сам:
Русины уж больно проворны,
Они так и тянутся к нам...
А что, мужики эти гожи,
Им нравятся наши места,
На нас они дюже похожи,
Зачем только верят в Христа?

— Монах их, годами дремучий,
К писаниям с детства привык,
Егорушку буквами мучит,
Однако мудреный язык.

Какие-то ищут ошибки...
Недавно смотрели с Петром,

Как вместе на струганой липке
Писали гусиным пером.
Такого не ведали деды,
Хоть были богаты умом,
А эти всё «буки» и «веди»
Твердят и твердят за столом.
Работа им кажется важной.
Монах и Егор заодно
Потеют над буковкой каждой,
Смотреть даже очень чудно.

— Зачем это надо Егору? —
Подумав, промолвил Пахом, —
Жениться ему уже впору,
Пора обустроить дом.

— Да нет, не скажи, не согласен,
Мы жили не так до сих пор.
Егорушкин труд не напрасен, —
Климентьюшка встрял в разговор.
— Наш век по годочкам измерен,
Другие здесь будут расти,
А я вот, как пить дать, уверен,
Что грамотность будет в чести.

Пахом же отстаивал смело:
— Никак, хоть убей, не пойму.
Землицу пахать — это дело,
А буквы учить — ни к чему!

Законы у жизни привычны.
Так в разные жили года:
Усопший во всём безразличен,
Живой же в раздумьях всегда.

Дошли за беседою скоро.
Остался вдали Златоград.

Над нашей слободкой у бора
Пылал ярко-красный закат.

— Такого давно не видали,
Шепчу затаённо шабру* (7)
Пылает так ярко — к печали,
Кроваво горит — не к добру.

Октябрьский вечер во власти,
В разгаре осенний парад —
С весёлой оранжевой страстью
По лесу шумит листопад.

Люблю листопадную пору,
Когда изумрудится даль
И бродит по золоту бора
Премудрой богиней печаль.

Бывает что в жизни дороже?
Она и реальность, и сон,
Мою она душу тревожит,
Берёт увиданье в полон.

У речки, скажу откровенно,
Сражённый земной лепотой:
По тропке ступая степенно,
Настасьюшка шла за водой.

И в праздник, и в будни добротна,
Красива своей простотой,
Затянуты волосы плотно
Налобной повязкой цветной.

Её эта мода в наряде
Желаннее стала других.
Девицы теперь в Златограде
Форсят все в повязках таких.

В тиши слышу голос рассудка:
Беречь надо эту красу.
Ну что ж, задержусь на минутку,
Водички домой принесу.

И вот уже жёнушка рада,
Как солнышко, вся весела, —
Шагает Настасьюшка рядом,
Идёт разговор про дела.

Плутают туманы в заречье,
В затоне скучают сомы.
Природа в движении вечна,
Но будем ли вечны в ней мы?

А в доме ждала нас отрада —
Опора и прочность семьи:
На тёплых полатах спят чада,
Надежда родимой земли.

ОТВАЖНЫХ НАС БЫЛО НЕМАЛО...

Быстрехонько дни пролетели
В привычных сельчанам делах.
Прощально леса отжелтели,
Ледышки блестят на прудах.

Закончились в поле работы.
Как раньше б — лежи, отдыхай,
Теперь же — другие заботы:
Война поспешала в наш край.

Война —
Изуверское слово,
Страдания в звуках слышны.
Гласит голос памяти снова:
Нет в жизни ужасней войны.

Законам гуманности верный,
Твержу про любую страну:
Будь проклят насильник тот первый,
Тот первый, начавший войну.

Приказы мы все выполняли,
Ковали усердно мечи,
Защитные ямы копали,
Пекли про запас куличи.

Все ждали врагов иноземных,
Готовили к бою клинки,

В удобных строенях подземных
Скрывались с детьми старики.

Дружина в засаде стояла,
Где вырыты тайные рвы.
Отважных здесь было немало
Буртасов, русинов, мордвы.

Над лесом заря полыхала,
Приветствуя светом наш град.
Отважных нас было немало,
Монголов же больше стократ.

Прикрыли мы конные гати,
Закрыли ворота...

И вот:
Зловещие конные рати
Суру перешли прямо вброд.

Помчались монголы лавиной
Под громкие крики и вой.
На родине нашей безвинной
Неравный затеяли бой.

Сначала мы в башнях засели.
Сливали смолу со стены.
Летели смертельные стрелы
И с нашей, и с их стороны.

Умело враги на засады
Бросались на конях лихих.
Порою и наши отряды
Врасплох нападали на них.

Сражались вторые уж сутки,
Противник на крепость всё прёт,
Вздохнуть не даёт ни минутки,
Очухаться нам не даёт.

Сражались уже на пределе
За волю, за землю отцов.
Они же всё больше зверели
От стойкости наших бойцов.

Нешадно томила усталость,
В низине фырчал алатый*(8)
Под вечер, когда уж смеркалось,
Приехал мурза их Батый.

Татары везли огнемёты,
Таран подтащили под дверь.
Нам ясны их были расчёты,
Но нам-то что делать теперь?

И вдруг — тишина...
Стало слышно:
Отходят враги от стены.
Вот так
Передышка нам вышла.
Минуты те были ценны.

Вот не было б только обманов...
Звонил уже в темень звонарь —
Под звон созывальных ударов
Старейшин встречал Золотарь.

Поведал: «Отбиться не сможем —
Огромна монгольская рать,
Одно остаётся нам гожим —
За волю в бою погибать!»

— Понятно всё это нам, княже.
А что если сгинет весь род?
Потомкам о нас не расскажут,
Бесследно исчезнет народ.

Сегодня же ночью бы нало
С обозами вывезть детей.
Спасенье их — будет награда.
Пусть едет с детьми грамотей.

Выглянул Золотарь с одобреньем:
— Согласен с тобою, Назар,
А вдруг это будет спасеньем,
Готовится пусть Елизар.
Без шума пусть едет сторожка,
Все тропы он знает в лесах.

Потом, поразмыслив немножко,
Заключил с надеждой в глазах:
— Быть может, нас вспомнят чрез годы
Приветливым словом, не злым.
Готовьте скорее подводы.
И женщины едут пусть с ним.

ОНИ НИКОГДА НЕ УЗНАЮТ ЛЮБВИ...

Спустились с крылечки на стылую землю.
По звёздным тропинкам бродила Луна.
Мы выжили с Фомкой по ковшику хмелю
И к холмику вышли, где зяблёт сосна.

О будущем речи вели осторожно...
Мыслишки печальные надо бы прочь.
И всё же, и всё же...
Неужто, возможно,
Неужто, последняя выпала ночь?

Такую вот тишь я не слыхивал сроду.
Не видно, не слышно совсем татарья.
Осенней печалью дышала природа —
Царил величавый конец октября.

Дремали в ночи боровые палаты,
Уснули дуга до рассветной поры.
А там вдалеке, у речных перекатов,
Горели в потёмках дозорных костры.

Вражины там грелись, готовили лихо...
Зачем они здесь и откуда взялись?
В кибитках их было несвойственно тихо.
Вот только бы наши желанья сбылись.

Не быть никогда нам под тяжким полоном,
Нельзя даже данью задобрить Мурзу...

Шептали мужья что-то дёшево жёнам,
Прощались с детинками, пряча слезу.

Детяркою смазали густо колёса,
Подирули, поправили...
Грозить пора.
Всё дохо́ до дальнего Ширшего Наёса* (9)
Доехать бесшумно с детьми по утра...

Объехав у врши Буринскую горку* (10),
Спустились в овраг папюны доплатей.
Повесть бы стирала в Мордовскую Горку* (11),
Помог бы сорочит там наш Шемашен* (12).

Доншати шакали по лесу устало,
Вела их наёсало Вирь-ава* сама. (13)
Меж тем в дуговинах заметно светало,
В дусты запоела помощница гьма.

В мордовских селеньях жьвла нас удача —
Спасение, повет, и покой, и еда.
Вдруг вытку — Фома мой отчаянно скачет,
Кричит что есть мочи:
«Ли ярыи, беца!»

Ну, вот и оно —
Диходейское племя.
Спокойно смотреть на злодеев нельзя:
Ощерясь, мурза чешет плёткою темя,
Дикарекою злостью сверкают глаза.

Гортанно кричит что-то радостным криком,
(Их радость для нас поопасней грозы).
Промчавшись героически с воннетвенным гиком,
Рукой показал, где стояли возы.

Как много их, подлых, —
Не видишь всех сразу.

Не пожен спокойно я выжили меч.
 Не сламься так просто.
 Держитесь, враги,
 Не страшно за землю родимую дечь.

Полетели вонки воинственным стагом.
 Я спрятаюсь молча у старой ольхи.
 Особенно палили, сражённый будагом.
 Станцует в овраг, головой в лонуи.

Виду два десятка приземистых, крепких,
 Студистых, перьяцивых; тёмных лицом,
 Крадутся, цепляясь руками за ветки.
 Нытаюсь меня взить обманом в кольцо.

Стою от бесселья едва ли не плача.
 Решившись,
 Помчался я с криком:
 «Возьми!»

Отва предо мною стояла залача —
 Увидеть за собой от обоза с детьми.

Дозорные долго за мною кружили.
 К несчастью, в овраге коняга заржал.
 Татары с ехиднею нас окружили.
 Старшой их прикончить, смеясь, приказал.

Упал на колени я,
 К небу взмыв руки:
 — У вас же у каждого дома есть мать.
 Не троньте детей.
 Мы готовы на муки.
 Согласны рабами покорными стать.

Их темник * всё понял.(14)
 В усы ухмыльнулся,
 Взмахнув острой саблей, ко мне подсказал.

Накрывшись щитом, я на миг увернулся
 И сам негодя мечом наказал.

С воинственным воплем и мстительным криком
 Все бросились дружно меня покарать.
 Что делать?
 Не справиться с диким их шгом.
 Мы с Фомкой ввоём, а их целая рать...

Губительно сабля возмизалась в ключицу,
 Другая — мне в грудь.
 Я лежу... ни гу-гу.
 Промыть бы мне раны студеной водицей,
 Да стать на колени никак не могу.

В Фому полетели опасные стрелы —
 От острых укусов нельзя слобровать.
 Кочевники эти стреляли умело.
 Учили их с детства людей убивать.

Плашмя он упал на сосновые сляги.
 Поаялся... и сделал
 Последний шагок.
 Да так и погиб, не дойдя до телеги,
 Мой смелый напарник,
 Мой верный дружок.

Не вспомнит о нём дорогая Меланья,
 Не выплачет слёзы красавица дочь.
 Обидно всё...
 Горько...
 Не сбылись желанья —
 С Фомой нам последняя выпала ночь.

Смотрю я, как рубят детишек вояки,
 Сажают на копы,
 Бросают в овраг.

Насилуют женщин мерзавцы-собаки,
Какой же бесстыдный и подлый наш враг.

А там, за кустами, соседка Лидея,
Дородная баба, под стать мужику.
Схватила с усмешкой в охапку злодея.
Славила и христнула зло по дубку.

Шепчу:

Молодчина,
Ты нашей породы.
Они не похожи совсем на людей...
Зажгли обаяло содомой подводы,
К поляне большой отвели лошадей.

Устроенной бойне разбойники рады.
Хохочут,
Довольные, чуть ли не ржут.
С конями понятно — запасливы гады.
Скорёхонько наших лошадок сожрут.

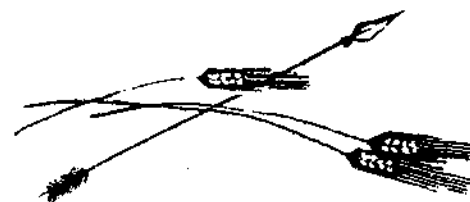
Спужу чуть дыша,
С нестерпимую болью.
Невинных детишек бредово маня.
И не было только России со мною,
Позднее Донской* отомстит за меня. (15)

Последние вздохи...
Мерещатся дети.
Головки их стынут в замёрзшей крови.
Они не увидят цветы на рассвете,
Они никогда не узнают любви.

Они не сыграют затейливо в жмурки.
Закончилась рано их жизнь на Земле.
Среди убиенных мои две дочурки:
Дуняша и Даша лежали в золе.

Двойняшки-девчущки,
Мои хохотушки,
Играть им так весело было вавоём:
От этих двух милых, потешных резвущек
Бревенчатый дом наш ходил ходуном...

Над сльюзой столетней зоря оталеда.
От света раставля мрачная мела.
Душа моя тихо покинула тело.
Взлетела над лесом, к друзьям пошла...

СКОРЬЯТ О ПОГИБШИХ ПРИСУРСКИЕ КРУЧИ...

Всё было знакомо.

И всё стало ново.

Розные пропалки в детских видны.

Дымилась в руинах моя дачорёва.

Дома догорали среди тишины.

Тенистый проулочек возле базара

Заполнен несчастной погибшей братвой.

Вон там каторжён пошёл от удара,

С пробитой кровавой лежью головой.

А рядышком с ним беспоседливый Тишка.

Державший в ручишах из клёна слегу.

Наверно, спешны на подмогу парнишке.

Да так и погиб от стрелы на бегу.

Красиво играл он на липовых дудках.

На полях являлся с улыбкой всегда.

О склално придуманных Тишкиных шутках

С любовью судачила вся слобода.

Среди мужиков замечаю Палашу.

Ах, левка была —

Для парнишек беда.

Испила свою трагю винную чашу —

Семьёй не владеет она никогда.

В ногах у неё распластался Мочала,
Порубан живот, перебита губа.
При жизни судьба их всегда разделяла,
Но сблизила смерть: видно, тоже судьба.

Осмыслить судьбину пока мы не в силах.
Возможно, когда-нибудь кто-то поймёт.
Пошло как бесславно в своих же осинах
Погно в неизвестности целый народ.

Лечу незаметный к родимой слободке,
Лечу невесомой пушинкой домой.
У речки.

Где даща обычно я дожки,

Настёнка с пробитой лежит головой.

Гатар-лето яв бесшумно ругая,

Несу моей жёнчике сердце в горсти.

Прощай, Настёния,

Прощай, дорожя!

Коль делаю не так что,

Прости.

Ничком под кустами в кабаньих пальтишках.

Глазам я никак не поверю своим:

Прижались друг к другу...

Живые... братишки,

Племянники Дёмка, Захар и Назим.* (16)

Молю я Вирь-аву:

— Спаси их, ты можешь,

Упрячь понадёжней в осеннем стогу.

Прикрой поплотнее листвой, как рогожей...

Как жалко, что сам им помочь не могу.

Порубанный саблей, валяется Дугас,

Хозяин сосновых таёжных боров.

Внизу у амбаров
(О, надо же — ужас!)
Разбросаны горками сотни голов.

У многих и веки ещё не закрыты,
На тёмных ресницах синее роса,
Сырою землёю пока не прикрыты,
Глядит удивлённо с тоской в небеса.

А что небеса?
Небеса прячут тучи.
По тронам гуляет осенняя хмарь,
Скорбят о погибших присеурские кручи,
Лежит обезглавленный князь Зозотарь.

Наверное, дошло бы няю пытаніе:
Отрублены руки, порезана грудь,
Вздыхают, нахмурясь, печальные тати...
Трагедию эту попробуй забудь.

Никто не поплачет —
могилок не будет.
Никто не расскажет —
кому говорить?
Вечер
печаль над усоннигом вижет,
ветер
притихший о людях скорбит,
Ивы,

склонившись над жухлыми травами,
как мамы баюкают
родненьких чад,
Мащут берёзоньки
голыми ветками,
но разве узнаешь, о чём говорят.
Осень
размоет все косточки белые,

зимушка
снежным укроет ковром,
над местом сражений,
весёлый, весенний,
грянет раскатистый радостный гром.
И вот уже...

птички садятся на веточки,
белки забавно орешки грызут,
растут одуванчики
светлые-светлые,
тучки по небу куда-то плывут.

Цветут
на опушке
подснежники смелые,
им солнышко дарит охапки тепла.
Дети смеются,

слагаются песенки,
как будто и не было правника Зла.
Так будут и дальше
то ярко, то бледно
бежать в неизвестность года.

Будут и тучи,
будет и солнышко,
кого-то с Земли
заберёт вновь Звезда.
И всё же никто
не уходит бесследно —
духовная мощь
создана навсегда.

Немало трагедий бывало на свете.
Об этой...
Не выскажешь нужных всех слов.
Гуляет по травам разбуженный ветер.
Воробушек нежно целует птенцов.

Меняют эпохи народы и лица.
Меняет свой облик Рассеюшка-мать.
Мне надо,
Мне надо с мечтой возродиться,
Чтоб правду о жизни той всем рассказать.

Сейчас же пора покидать городище...
Махнул наноследок селянам рукой.
Лечу я туда, где созвездия чище,
Где царствует вечно небесный покой.

СЕГОДНЯ В СОДРУЖЕСТВЕ СИЛА...

Над миром прошло семь столетий, (17)
В разумной прошло красоте.
И только на нашей планете
Все жили всегда в суете.

Покоя не ведали страны,
Забыли Всевышнего дар,
Разумность затмили обманы,
Военных трагедий пожар.

Народы тревожились чтобы,
Чтоб слава гремела в стране,
Владыки сверхмошные бомбы
Готовят к последней войне.

Сегодня в содружестве сила,
В единстве народов всех стран.
Россия для мира сплотила,
Мордву, и татар, и славян.

С весеннею первой капелью,
Когда ещё дремлет трава,* (18)
Вернул Всемогущий на Землю,
Права мне вручив на слова.

Родное моё Златорёво!
Мой древний, мой радостный друг!

Знакомо мне всё здесь и ново,
Но как изменилось вокруг...

Здесь дышит село стариною,
Когда в мир откроешь окно,
То видишь, как древней тропюю
Прапрашур идёт на гумно.

Бредёт за Пахомом коняга,
А рялышком — верный Дружок.
Как нынче сказали б «дворняга»,
Для нас же он был «сторожок». * (19)

Вон там, у пахучего бора,
Я дупельки* ладил свои, (20)
А здесь вечером у забора
Настасьюшке клялся в любви.

Была она — чудо как ладна,
Как яблонька, пышно цвела,
В расшитой пулае* нарядной (21)
До страсти была мне мила.

В червлёных «резных» сапожочках* (22)
Княгинюшкой шла вдоль села...
Троих сыновей и двух дочек
Настасьюшка мне родила.

Тогда мы все жили попроще,
Природа была дорога,
Бродили с напевами в роще,
Ходили за мятой в луга.

Готовили к празднику бражку,
Сплетали девицы венки,
Дома для друзей — нараспашку,
Хоть в кузнях ковали замки.

Где раньше блуждали в малине,
Шумит там теперь ПээМКа.
По той же вот только равнине
Течёт неторопко река.

Из ивовых прутьев заградки* (23)
Мы ставили в русле реки.
Сюда заплывали стерлядки,
Резвились всюю окуньки.

На отмели около елей,
Где речка течёт пошустрей,
Брательник мой старший, Емельий,
Лукошком ловил пескарей.

Панары* здесь глиною мыло (24)
Всё дружное наше село...
Скажу я:
Что было — то было,
Хоть пылью веков занесло.

Сегодня отметить я вправе:
Язычник природу знавал.
Молились мы Норову-аве, (25)
И нам он всегда помогал.

Отвергнули груды сомнений
Учёные сурской земли,
Когда на помостах сражений
Раскопки грунтов провели* (26)

Сегодня же чудо так чудо.
Мечтать не могли в те года:
Прозрачная в доме посуда,
Из стран иноземных еда.

Машинами правят девицы.
Компьютеры все обрели.

Летают железные птицы,
Снуют над Землёй корабли.

В родимой старинной сторонке
Повсюду заметен прогресс.
Ох, как удивился бы Фомка
При виде всех этих чудес.

Случайностей...
Нет, не бывает.
Логичны приход и уход.
Недаром в улыбочивом мае
Черёмуха рьяно цветёт.

Мажорно закончить бы строчку,
К концу моя повесть идёт.
Но нет, не могу ставить точку —
Покоя душа не даёт.

Казалось бы, всё так приятно,
Доволен прогрессом народ.
Однако опять непонятно:
Зачем он в тревоге живёт?..

Зачем на Земле снова войны?..
В них тысячи гибнут людей.
Страдают и дети, и жёны
Во славу бредовых идей.

Другие сегодня монголы,
Враги изошрённей теперь.
Вот только им в роши и долы
Труднее открыть нашу дверь.

Хоть часто пытались вражины
Дойти до московских дверей,

Но ратные наши дружины
Их гнали, как диких зверей.

Наверное, каждому ясно,
А я убедился вполне,
Что вовсе тогда не напрасно
Мы гибли в безвестной войне.

В деяниях всех есть причина.
Хоть рядится Зло в серебро,
Не может быть вечной кручина,
Когда на Земле есть Добро.

Надежда, и Вера, и Сила
Развеют истории гарь.
Могучею будет Россия,
Коль будет в ней свой Золотарь.

* * *

В теперешнем веке
Живу, не скучаю,
Хотя и не верю российским властям,
Но в каждое утро на службу шагаю,
Стараюсь привыкнуть к крутым скоростям.

Весна в Златорёве.
Проклюнулись почки.
Появятся скоро травинки на свет.
На этом мне можно поставить бы точку,
Поскольку закончен о предках сюжет.

Остались далече
Все «охи» да «ахи».
Мне жаль покидать тот языческий мир.
«Спасибо, — шепчу я, — мой друг амфибрахий,
За то, что увёл из уюта квартир».

По школьной дорожке шагаю довольный,
Встречаю знакомых, коллег и друзей...
А где-то грохочут проклятые войны,
В них гибнет немало безвинных людей.

В земле убиенных покоится столько,
Что впору осмыслить ужаснейший рок,
И мне,
Только вспомню, обидно и горько,
Что страшный урок не пошёл людям впрок.

Земля беспечальна и в праздник, и в будни.
Сердечно, по-братски, народы любя,
Как встарь вопрошаю:
Ну, что же вы, люди!
Зачем истребляете в злобе себя?

Мы дети единой разумной вселенной,
Она в измененьях бессмертье дала,
Решила,
Что память и души нетленны,
Извечны они, как слова и дела.

О памяти надо бы складывать оды,
В любых временах у неё есть друзья.
Она унижает и славит народы,
Без памяти жить поколениям нельзя.

Мелькают язычников добрые лица,
Я слышу шептание древних двух рек...
Неужто придётся мне снова родиться,
Когда распростится с Землёй человек?

Земля,
Наши души в полёт провожая,
До буковки помнит землян имена.

Она, исстрадавшая, тоже живая,
Жалеть её надо во все времена.

А лучше —
Любить по-сыновнему надо,
Пора её душу нам всем понимать.
Она несказанно, как детям, нам рада,
Недаром зовётся «кормилица-мать».

В минуты трагедий тяну к небу руки.
Как в годы, когда я спасался с детьми.
Господь милосердный!
Отринь наши муки.
Вояк неразумных молю —
ВРАЗУМИ!

*Золотарёвка.
7.07.2006 года.*

Примечания

1. Первые упоминания о Суре относятся к 1183 году, производилось как Суруя, а уже в 1372 — Сура. Изменения произошли, видимо, под влиянием русского языка. Нузле, так скорее всего, если ссылаться на летописи, называлась сегодняшняя Уза, впадавшая в Суру неподалёку от Золотарёвки.
2. Тюштя — избранный народом вождь.
3. Сюлгана — застёжка.
4. Волжская Булгария, которой, вероятно, принадлежали и бывшие золотарёвские места.
5. Говорил.
6. Ярмакт — (деньги) — слово тюркского происхождения (в переводе означает рубленый, разменный). Заимствовано, скорее всего, у волжских болгар.
7. Шабёр — сосед, живущий рядом.
8. Филин.
9. Птичий Плёс — разливное место в широком месте теперешней Узы.
10. Бурчихская Горка — местечко между теперешними Ахунами и посёлком Коммуна.
11. Мордовская Норка — деревушка в Шемышейском районе.
12. Шемышей — по преданиям его потомок станет основателем Шемышейки.
13. Вирь-ава — богиня леса.
14. Темник — командующий войском.
15. Под предводительством Дмитрия Донского русские одержат победу 8 сентября 1380 года.

16. Сыновья Шемышей. В семнадцатом столетии их родичи с теми же именами получают от отца сёла, которые назовут в их честь (по преданию) Дёмкино, Захаркино, Назимкино.

17. Время трагедии под Золотарёвом учёные историки относят к осени 1237(6745) года.

18. 16 марта.

19. См. «Толковый словарь живого великорусского языка» Владимира Даля. Том четвёртый, 1882 г., с. 250.

20. Дупельки — дупла для пчёл.

21. Пулай — женская рубашка с поясом или специальным набедренным украшением. Она могла быть расшита цветными шерстяными нитями.

22. По мнению археологов, в быту уже были сапожки.

23. Загрядки — сплетённые из прутьев ограждения, их ставили поперёк русла реки и так ловили рыбу.

24. Панар — рубаха из белого холста.

25. Норов-ава — божество земли.

26. Имеются в виду проводимые археологические раскопки под руководством доктора исторических наук, профессора Белорыбкина Геннадия Николаевича.

ПОСЛАВЛОВИЕ

Настоящее не может быть понято без учёта прошлого. Историческая память помогает полнее осознать как величие отдельной личности, так и целого поколения. Бегаёт по улице мальчишка в коротеньких штанишках. А кто-то из соседей уже глубокомысленно рассуждает: «В дежку Гришу пошёл». Стало быть, нашёл сосед нечто общее, значит, есть оно. А не задумывались вы, почему нередко родители дают имена своих родственников, родителей или бабушек и дедушек?

С генами нам труднее разобраться, а вот память, тем более словесная, может протекать большие чудеса. Вдруг у праправнука по каким-то нам неизвестным законам проявляются в характере отголоски далёкого предка. Бывают жестокие исторические случаи, когда погибают в неравных сражениях целые племена. Кажется, уже ничто не может воскресить ушедшие события. И всё-таки энергия произнесённого слова, прочитанных молитв, кричащих в экстазе проклятий даже через несколько веков могут воскресить в памяти какого-либо чувствительного к людским страданиям потомка полузабытые события. И потом, как и в любом злодеянии, остаются косвенные улики, в данном случае — упоминание путешественников, какие-либо документы (археологи раскопали ценные вещественные доказательства), кто-то может чудесным образом оказаться живым (у меня в тексте Дёмка, Захар, Назим). Её величество историческая наука вкупе с геной памятью, если очень постараться, воспроизводят события древних лет. Скорее всего, не без ошибок, но в целом смысл той трагической осени передан правильно.

К «Золотарёвскому побойцу» следует относиться как к художественному произведению, хотя и написанному на имеющихся месте исторических фактах. Это повествование в стихотворной форме стало возможным благодаря открытию учёных историков Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского во главе с доктором исторических наук, профессором Г.Н. Белорыбкиным. Именно как открытие следует расценивать раскопки пензенских археологов в районе теперешней Золотарёвки, находящейся, примерно, в 30 километрах северо-восточнее города Пензы.

При работе над повествованием я опирался на имеющиеся в наше время факты. Историки обнаружили «...более 2000 одних только наконечников стрел, несколько сот деталей сабельного оружия и фрагментов защитного доспеха и тысячи предметов конского снаряжения». Кроме того, они нашли много изделий из серебра, золота, свинца. «Такого количества свидетельств быта той поры, — как пишут они в буклете «Золотарёвское сражение» (Пенза, 2006 г.), — нет ни на одном из полей сражений в средневековой Европе». Мне приходилось видеть наконечник стрелы той поры в музее Старо-Дёмкинской школы Шемышейского района, что свидетельствует о большой территории области, на которой могли появляться и воевать монголы.

На страницах моего повествования есть конкретные названия сёл, имена героев, носящих невыдуманный характер. Неожиданно встречается имя Моцала. Жил у нас в Ахунах в землянке в 50-е годы прошлого столетия на берегу Суры (неподалёку от сегодняшней сельскохозяйственной академии) дедка Моцала. Звали его так потому, что в слове «мочало» он «ч» произносил как «ц». Для жителей такое произношение казалось очень необычным, потому так и звали его — Моцала. Возможно, так звали и его предков, и была такая фамилия. Это прозвище (вероятнее всего) перешло к детям и теперешним внукам, хотя они давно уже живут в цивилизованных условиях и слово «мочало» произносят через «ч». Словом, могли быть такие имена и в давние времена.

Обратит на себя внимание Саид, живущий в одной слободе с мордвами, буртасами, русскими. Объясняется это просто:

по многим свидетельствам историков, представители разных народов жили между собой в дружбе. К разному вероисповеданию в ту пору относились в основном терпимо. Кстати, кочевые монголы к русскому православию также относились спокойно. В книге «Родная история» (седьмое издание опубликовано в 1910 году) известный историк и педагог В.Д. Силовский писал: «...К счастью, татары не преследовали христианской веры; хотя и во время первого нашествия грабили и разоряли церкви, но вообще отличались веротерпимостью. Один хан говорил европейскому послу о своей вере: «Мы, татары, веруем во единого бога, по воле которого живём и умираем; но как руке Бог дал различные пальцы, так и людям даны разные пути к спасению. Вам Бог дал писание, нам дал колдунов; мы и делаем то, что они нам указывают, и живём в мире». Напомню, что только в 1313 году хан Узбек принял магометанство и оно стало распространяться среди многих татар.

Названия поселений, о которых идёт речь, могли быть и такими же, как сейчас, только в зависимости от того, кто их произносил, звучали несколько иначе. Например, реку Узу в ту пору называли Узле.

Есть строчка «Плугами железными пашем». Теперешний читатель сомневается в железных плугах. Напрасно. И дело даже не в подтверждениях археологов в существовании таких плугов. До нас дошли разного рода сказания, песни, мифы, в которых они упоминаются. Сошлёмся на источники мордовского фольклора. Например, «...В песне-мифе «Пир богов» устами божества земли Норов-авы говорится:

У богатых железный плуг,
У богатого железные бороны.
У бедняка соха деревянная,
У бедняка борона деревянная»

(Н.Ф. Мокшин. «Религиозные верования мордвы», Саранск, 1998, с. 99).

В словаре В.И. Даля «плуг» комментируется как слово немецкого происхождения, «самое тяжёлое пахотное орудие». Да, ве-

роятно, не было таких тяжёлых пахотных орудий, но упрощённого типа — были. Возможно, они напоминали простейшие ора-ла, железные, которыми взрывали верхний слой земли. Под ора-лом мы привыкли подразумевать лемех, вырезанный из твёрдой породы дерева — из дуба или молодого клёна. Однако в те давние времена на месте изображаемых событий были и железные ора-ла-плуги.

Считаю несправедливыми упрёки в мой адрес по поводу переселения душ после смерти (конец главы «Они никогда не узнают любви» и две заключительные главы). Как известно, мотивы бессмертия души и её перевоплощение (реинкарнация) использовал ещё в первой половине девятнадцатого столетия М.Ю. Лермонтов. Христос в своих учениях не отрицал возможностей перевоплощения. Примеры, свидетельствующие о таком признании, имеются в Библии. Однако, по изысканиям учёных, изучающих этот феномен, пятый Вселенский Собор признал реинкарнацию ложным учением. Кто же прав и кто ошибается? По своим убеждениям человек я православного вероисповедания, признаю церковные каноны, тем не менее полагаю истинными имеющие место суждения до пятого Вселенского Собора.

У читателя может возникнуть вполне резонный вопрос: «А почему же изображаемое сражение, если уж оно такое масштабное, не было известно широкой общественности раньше?» У историков ответ имеется. Во-первых, в тринадцатом веке упоминаемая территория не относилась к России, коей не было самой в те времена, имелись лишь отдельные княжества. Летом же, предания, фольклорные источники, дошедшие до нашего времени, касались мест, входивших в состав русских княжеств. Во-вторых, побойше было настолько жестоким, что практически не осталось среди защитников живых. То есть, некому было поведать своим ближайшим по времени потомкам.

Авторитетный знаток старинны Д.С. Лихачёв писал о том времени: «Катастрофические события второй четверти XIII в. действительно могут быть уподоблены землетрясению: многие города были разрушены до основания. Земля была покрыта пеплом сожжённых деревень». Пять веков более шести столетий

застыла память о тех событиях. Осталось только общее упоминание летописца о монгольских завоевателях, которые после покорения Волжской Булгарии на несколько месяцев остановились в своём движении на Запад. Если бы не Золотарёвские события, воинственные кочевники раньше дошли бы до пределов разрозненных русских княжеств.

СОДЕРЖАНИЕ

Природа казалась нам вечной.....	4.
Несут нам кочевники горе.....	8
Отважных нас было немало.....	14
Они никогда не узнают любви.....	18
Скорбят о погибших присурские кручи.....	24
Сегодня в содружестве сила.....	29
Примечания.....	36
Послесловие.....	38

Горланов Геннадий Елизарович
Золотарёвское побоище. Поэма. ---
Пенза, 2006. -- 44 с.

Печатается в авторской редакции.

Дизайн, вёрстка — О. Сиротин.

Формат 60x84 1/16. Бумага писчая.
Усл. печ. л. 2,56. Уч.-изд. л. 2,56.

Заказ № . Тираж экз.

Отпечатано в типографии: